

BB Easton

SPEED

44

Chapters, 2

БИБИ ИСТОН

ГОНЩИК

ЛЮБОВЬ
БЫВАЕТ
ОПАСНОЙ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
И89

V.V. Easton

SPEED

Copyright © 2017. Speed by V.V. Easton
Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

Перевод с английского *Анны Бялко*

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении обложки использована фотография:

© kiukson / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

В оформлении полусупера использована фотография:

© 4 PM production / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Истон, Биби.

И89 Гонщик / Биби Истон ; [перевод с английского
А. Бялко]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-117704-1

В гараже, куда Биби Истон приезжает поменять колеса, она встречает Харли — молодого, эффектного механика. Харли — высокий голубоглазый блондин, он может починить любую машину, является легендой здешних мест, его карманы набиты деньгами, и у него самая красивая на свете гоночная машина. У Биби просто нет шансов устоять.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

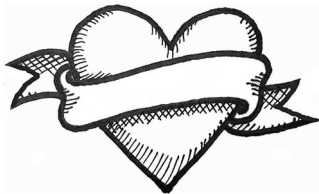
© Бялко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-117704-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Эта книга посвящается моим родителям.
В качестве извинения за то, что я притащила
двадцатидвухлетнего бывшего заключенного
с татуировкой на башке на домашний обед...
когда мне было всего шестнадцать.
Читать это извинение вам запрещается.*

Предисловие

В мире есть люди всего двух типов — те, кто читал мою книгу «44 главы о 4 мужчинах», и те, кто не читал. Я рада и тем и другим. Есть, конечно, вариант, что вы не принадлежите к одной из этих групп и ваша фамилия Брэдли или Истон. В этом случае вероятность того, что мы с вами состоим в кровном или брачном родстве, слишком велика, чтобы я могла позволить вам продолжить чтение. Пожалуйста, миссис Брэдли, положите книгу и медленно отойдите. Поверьте мне, миссис Истон. Это для вашего же блага.

Если же ваша фамилия не Брэдли и не Истон и вы впервые сталкиваетесь с Харли Джеймсом, держитесь. Он — воплощение плохого парня с невинным лицом, и он устроил мне ту еще гонку по жизни. *В хорошем смысле!* Образ Харли в общих чертах списан с моего бывшего приятеля, но его имя, определяющие характеристики и личные качества были изменены и/или преувеличены до такой неузнаваемости, что его и родная мама бы не опознала. Ну, в смысле у нее могли бы за-

Биби Истон

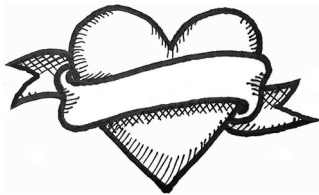
красться определенные подозрения, но она не смогла бы ничего доказать.

Если же вы принадлежите к первой группе, то вы уже знакомы с Харли — и даже с двумя его версиями. Вы видели его в виде прелестного мерзавца в моих дневниковых записях и в качестве выдуманного героя-любownika в той их части, которые я нарочно подсовывала Кену. Ну что ж, я счастлива сказать вам, что выдуманный герой-любownik Харли будет звездить в этой книге, тогда как ее сюжет, обстоятельства и действие будут основаны на реальных событиях. Я постаралась представить вам лучшее из обоих миров — сексуального, опасного, татуированного героя и жесткий, страшный, реалистичный сюжет.

Как я уже говорила в «Рыцаре», эта книга — моя правда, но она не является полной, стопроцентной правдой.

(В данном случае тут примерно процентов шестьдесят пять. Максимум — семьдесят пять.)

Хорошего путешествия!

ГЛАВА 1

Июнь 1998

Проснувшись утром своего шестнадцатого дня рождения, я не выскочила из постели, чтобы бежать получать права. Я не подумала о назначенной на этот день покупке машины — машины, на которую копила с того момента, как мне исполнилось пятнадцать и я официально получила право на работу. Мне не хотелось идти за покупками, открывать подарки или есть чертов именинный пирог. Мне хотелось проспаться, к чертям, этот день, потому что стоило мне проснуться, как меня начинала пожирать душераздирающая боль. Я чувствовала, как она грызет мое нутро, уничтожает мою когда-то радостную личность, высасывает энергию из моих костей, заглатывает мое стремление жить. Быть живой — больно. Просыпаться больно. А спать — нет.

Неохотно раскрыв глаза, я покосилась на прикроватную тумбочку. Красные цифры на часах говорили, что я опять проспала до полудня. Лежавший тут же черничный кекс с кривовато воткнутой в него свечкой говорил, что приходила

мама, которая пыталась меня разбудить. Распахнутые ставни, сквозь которые в спальню светило летнее солнце, давали понять, что она приходила неединожды. А эта маленькая таблетка и стакан воды на тумбочке? Они только разозлили меня.

Я села и начала рыться в набросанном на столике дерьме, пока не нашла свою пачку «кэмел лайт». Пренебрегая водой и пищей, я выбрала яд. Сделав первую, глубокую, успокоительную затяжку, я ждала ее расслабляющего эффекта, но даже курево перестало приносить радость. Как и со всем остальным, это стало просто рутинной.

Поднести руку ко рту.

Вдохнуть.

Выдохнуть.

Повторить.

Я стряхнула пепел в пустую жестянку тут же на столике и уставилась на таблетку, которую принесла мне мама, — крошечную белую надежду, обернувшуюся очередным разочарованием. Я взяла ее в руку и внимательно рассмотрела. Если бы на ней не было выдавлено PROZAC, можно было бы предположить, что родители просто дают мне мятные конфетки.

Эта херня не работала. Не делала ничего, лишь приглушала яркие цвета моего мира, превращая его во что-то грязно-серо-унылое. Вместо моих привычных чувств, всей этой яркой смеси яростно-кричащего алого, пенящейся и клубящейся лазури и предостерегающе мигающего желтого мой внутренний мир теперь был серым,

ГОНЩИК

как облако дыма, висящее в пространстве между полом и потолком моей спальни. Серым, как моя кожа, которая западала между ребрами в грудную клетку и болталась в провалах щек и глазниц.

Серым, как поблекшая татуировка рыцаря на внутренней стороне моего левого безымянного пальца.

Я зашвырнула прославленную мятную таблетку через всю комнату, слушая *щелк-щелк-щелк*, с которым она отлетела от стены, прокатилась по моему столу — сделанному из двери, лежащей на двух офисных тумбочках, которые мама подобрала в Армии Спасения и покрасила в черный цвет, — и приземлилась на кучу сияющего нейлона цвета хаки, валяющуюся на полу.

Моя грудь сжалась, как будто кто-то за спиной туго затянул на мне шнурки невидимого корсета. В уголках глаз собрались слезы, потому что перед ними замелькали знакомые картинки. Скинхед, стоящий возле моего школьного шкафчика и надевающий мне на плечи маленькую темно-зеленую летнюю куртку, чтобы согреть мою вечно мерзнущую кожу. Его улыбка, с которой он поворачивает меня к себе, радуясь, что куртка подошла. Я никогда раньше не видела такой улыбки. Мне захотелось, чтобы он улыбнулся снова, но вместо этого он только нахмурился, когда я сказала, что не могу взять его подарок. Когда я, как и все остальные, отвергла его.

Зажмутив глаза, я прижала к ним ладони, пытаюсь избавиться от этих воспоминаний. Но они становились все навязчивее. А доктор вел себя так, словно перед ним был случай обычной

подростковой депрессии. Как будто мне нужно было всего лишь немножко успокоительных. Как будто то, что ты видела, как твой психопатический, перекачанный стероидами бойфренд забивает человека до смерти, это нормально. Как будто, когда твой друг детства совершает самоубийство, а ты помогаешь рожать своей лучшей подруге, истекающей кровью, и все это в один и тот же день, это тоже нормально. Как будто, когда твоя первая любовь внезапно вступает в Корпус Морского Десанта, а ты тут же узнаешь, что он, похоже, изменял тебе с геем, это тоже нормально.

Так вот, все это — ни фига не нормально. Это тяжело. Общий вес всех этих травм тянул меня вниз, и я была слишком слабой, чтобы выплыть из-под него на поверхность. Слишком усталой. Вместо этого я уселась там, внизу, глубоко на дне, прикидывая, на сколько мне может хватить дыхания. И, хотя глаза щипало от никотина, а не от хлорки, мои замедленные движения, вес, давящий на меня сверху, перемежающиеся приступы паники и отчаяния были все такими же.

Я тонула.

Просто недостаточно быстро.

Не раздумывая, я потушила сигарету и поднялась. В моих заплаканных глазах плясали звезды, а поле зрения угрожающе сужалось, но я, ведомая яростью, прорвалась сквозь тошноту. Схватив со столика злосчастную выпечку, я кинулась в родительскую ванную в поисках облегчения.

По привычке я швырнула кекс в унитаз и спустила воду, уничтожая следы преступления. Рань-

ГОНЩИК

ше я не жрала, чтобы быть худой и красивой, как Кейт Мосс. А теперь не жрала потому, что ни хрена не могла жрать.

Потому что это меня пожирали.

Я торопливо распахнула мамин шкафчик для лекарств, готовясь проглотить все его содержимое, которое только найду, просто для того, чтобы заглушить эту боль.

Но там было пусто.

Я распахнула вторую половину двойной зеркальной створки, открывая папину часть. Пусто. Все рецептурные опиаты, успокоительные таблетки, мышечные релаксанты, которые были там всегда, куда-то *исчезли*. Даже обезболивающие и сиропы от кашля, которые продают без рецепта, словно растворились в воздухе. И, сколько я ни рылась во всех ящиках, полках и шкафах, я не нашла ничего, кроме салфеток, косметики и туалетных принадлежностей.

Нет.

Нет.

НЕ-Е-ЕТ!

Мое сердце заколотилось, а комната начала вращаться вокруг своей оси. Я бежала сюда, рассчитывая найти выход из кошмаров, а вместо этого оказалась в западне. Выхода не было, вокруг меня сжимались стены.

Задыхаясь, я ухватилась за край раковины и закричала:

— Мам! Ма-а-а-ам!

Еще до того, как я услышала ее шаги по скрипучим ступеням лестницы, ноги перестали держать меня.

— Господи, Биби, — сказала мама, войдя и обнаружив свою истощенную дочь на коленях возле раковины, прижавшуюся лбом к шкафчику под ней. — Что стряслось?

Все. Все, что можно, на фиг.

— Я не могу найти аспирин, — выдавила я.

— У тебя болит голова, детка? — спросила мама своим милым, сочувственным голосом, от которого мне всегда хотелось залезть к ней на ручки и поплакать.

Зажмурившись, я кивнула и уперлась головой в шершавую деревянную стенку.

— Бедная детка. Наверно, это мигрень? Сейчас я найду тебе экседрин.

Вместо того чтобы открыть шкафчик или ящик, мама открыла свой шкаф в спальне, позади меня. Обернувшись, я увидела, как она отодвинула висящие на вешалке платья в сторону и стала вертеть направо-налево ручку сейфа. Я не видела, что мама делала внутри, когда сейф открылся, но слышала знакомый шорох лекарственных упаковок, которые она перебирала в поисках нужного.

Наконец мама протянула мне две белые таблеточки, а я спросила обвиняющим тоном:

— А почему все лекарства *теперь* там?

Мама обвела ванную взглядом и начала намазывать на палец длинную рыжую прядь. Она всегда так делала, когда чувствовала себя неловко.

— Ну, детка, — сказала она, грустно улыбнувшись и наконец поглядев на меня своими зеленовато-кариими глазами. — Этот психолог, к которому мы тебя водили, сказал, что было бы неплохо

ГОНЩИК

спрятать все лекарства в доме... И оружие тоже. Ну, знаешь, пока тебе не станет лучше.

Эти слова вышибли из моих легких даже то небольшое количество воздуха, которое там было. Я смотрела на мамино лицо, и по моим впалым щекам катились слезы. Ее слабая улыбка не могла скрыть боль в измученном взгляде. И тут я, к черту, не выдержала. Вся тяжесть ситуации обрушилась на меня, и все мое тощее тело затряслось в громких всхлипываниях.

Мама только что спасла мне жизнь.

Сев на пол рядом со мной, мама притянула меня к себе и принялась утешать.

— Знаешь, — сказала она, глядя меня по плечу шершавой от рисования, лепки и красок рукой. — Мне кажется, тебе стоит перестать пить эти таблетки. Я тут почитала, одной из побочных антидепрессантов у подростков могут быть суицидальные мысли.

— Правда? — спросила я, вытирая подолом майки нос и глаза. Я надеялась, что она права. Если в том, что я почти натворила, виноваты таблетки, то я не такое уж чудовище, каким себя чувствую.

— Правда. Знаешь, детка, я думаю, тебе просто надо пережить это. Ты не хочешь сходить к психологу? Или порисовать? Ты раньше любила рисовать. Или, может, начать писать? Знаешь, я читала, что писать людям письма и потом рвать их — тоже хорошее средство от депрессии. Или я видела это по телевизору?

Сидя на полу, прислонившись спиной к шкафчику под раковиной, натягивая на лицо